Репрезентация протестных установок в социальных сетях: компаративный анализ кейсов Евромайдана-2013–2014 и Молдовы-2015

Е.В. Бродовская, А.Ю. Домбровская, Д.Н. Карзубов
Московский педагогический государственный университет
brodovskaya@inbox.ru, an-doc@yandex.ru, karzubovdn@gmail.com

Аннотация

В статье представлены результаты сравнительного анализа двух протестных процессов: Евромайдан-2013–2014 и Молдова-2015. Исследуются вопросы цифровой репрезентации протестных установок в Украине и Молдове протестного периода. Авторами разработана и апробирована модель исследования цифровых следов протестной активности граждан, включающая ивент-анализ, киберметрию и дискурс-анализ сообщений.

В результате компаративного анализа выявлены различия в проявлении следующих компонентов протестных процессов в Молдове и Украине: катализаторов протестных событий, их динамики, сторон, участников, внешних акторов, характера коммуникации с элитами, направленности и реактивности элит, технологий формирования протестных установок, точек трансформации протеста, результатов протестных процессов.

Ключевые слова: социальный компьютинг; цифровые маркеры протеста; ивент-анализ; киберметрия; дискурс-анализ; компаративное исследование.

Развитие в современном мире глобальной сети и все большая вовлеченность людей в использование социальных сетей детерминируют рост их мобилизующей силы и ресурса влияния на протестные установки пользователей. Опыт отечественных и зарубежных исследований данного направления [1, 2, 16] показывает, что подверженные многократной ретрансляции сообщения (популярные посты) имеют существенное воздействие на сферу значений и смыслов, связанных с выражением протестных установок пользователей, и служат важным компонентом механизма формирования их протестной активности.

Наиболее показательными примерами воздействия социальных сетей на протестную активность граждан служат события 2013–2014 гг. в Украине (Евромайдан) и 2015 г. в Молдове. Компаративное исследование данных кейсов позволило выявить общие и специфические характеристики цифровой репрезентации протестных установок украинских и молдавских пользователей, определить сходные и отличные технологии формирования общественного мнения в социальных медиа в отношении кризисной ситуации в двух государствах.

Заявленное научное направление развивает ряд ученых. Наиболее значимые среди них: М. Кастельс [5, 6], анализирующий социальные сети как средство формирования новой социальной морфологии современных обществ и способ воздействия на процессы, связанные с производством и воспроизводством социальных смыслов, повседневной жизнью, культурой и властью; Г. Рейнгольд [3], указывающий на развитие коммуникационных технологий как детерминанту феномена «умной толпы» (smartmob), — формы социальной самоорганизации людей, взаимодействующих в интернет-пространстве; Л. Спрэлл и С. Кайзлер [23], исследующие воздействие коммуникации в социальных сетях на групповую динамику и офлайновые социальные интеракции, а также С. Грин [16], один из первых осуществивший киберметрию протестных сообщений русскоязычного сегмента социальных сетей, результатом которой стала систематизация мемов, ретранслируемых в новых медиа в связи с определенными протестными событиями.

Методологическую основу исследования составляют труды ученых, проанализировавших социальные и социально-политические эффекты интернет-коммуникации: Ф. Кейнросса [4], С. Кларка [7], С. Колермана [8], Д. Марша [9], С. Кайслера [10], Р. Фримана [14], Л. Гурака [17], Э. Найлсена [18], Ч. Кадушина [19], Р. Клинга [20], П. Норриса [21], М. Постера [22] и др.

Создание и апробация методики дискурсивного анализа релевантных социально-медийных сообщений базировались на основных положениях работ по лингвистике и семиотике, применимых в процессе анализа сообщений виртуального пространства: У. Эко [10], Ван Дейка, Б. Данета, С. Херринга [11], Э. Этциони [12] и мн. др.

Эмпирическая модель исследования представляет собой синтез трех методов сбора и анализа данных:

- ивент-анализ, который предназначен для интерпретации артефактной компоненты анализируемых сообщений украинских и молдавских социальных сетей;
- кластеризацию релевантных документов, основанную на выявлении содержательных типов сообщений (параметры выгрузки сообщений с применением онлайн-сервиса для мониторинга социальных сетей IQBuzz: русский, украинский и молдавский языки, 7 000 000 сообщений в период с 18 ноября 2013 г. по 23 февраля 2014 г. в украинских социальных медиа и 250 000 сообщений в период с 1 мая по 1 октября 2015 г. в молдавских социальных сетях);
- дискурс-анализ 1200 (по 600 сообщений в украинских и молдавских социальных сетях) наиболее часто повторяемых сообщений и анализ метафор, используемых в выражении протестной активности. Этот

метод позволил понять социальные смыслы и значения, репрезентируемые пользователями в протестной риторике.

Критериями сравнительного анализа служили следующие параметры:

- катализатор (драйвер, движущая сила) протеста — его основная идея;
- процессуальные, динамические характеристики;
- субъекты, участники протестных событий;
- внешние акторы (влиятельные социальные силы);
- специфика коммуникации с элитами;
- направленность и реактивность элит;
- технологии формирования протестных установок;
- точки трансформации протеста (маркеры перехода протеста от одной стадии в другую);
- итоги протестных процессов.

Исследование показало, что молдавские протестные события отличаются от украинского кейса следующими особенностями:

- большей длительностью протестной волны и более протяженными этапами протестного процесса;
- большей реактивностью элитарных социальных групп;
- конвенциональной, нерадикальной направленностью значительной доли лидеров протеста;
- использованием идеи отказа от национальной и национально-государственной идентичностей в качестве одной из смысловых конструкций протеста;
- диалоговым характером взаимодействия с элитами;
- отсутствием инцидента (событий, связанных с огромными человеческими жертвами);
- несущественной репрезентацией протестной риторики, в которой Россия отражена как фактор раскола общества;
- значительной представленностью позитивного дискурса России и ее роли в решении проблем международных отношений.

Вместе с тем, анализ позволил выявить и сходные черты молдавского и украинского протестных событий:

- формирование протестных установок на критике олигархического капитализма;
- обсуждение негативных последствий раскола политических элит;
- катализирующее воздействие риторики коррупции во власти;
- весомая роль молодежи и молодежных организаций в формировании протестного дискурса в социальных сетях;
- использование тактических приемов протестных действий: палаточные лагеря, захват государственных зданий;
- широкая репрезентация внешних западных лидеров в качестве акторов сообщений протестного характера;
- хронологическая близость протестных событий к президентским выборам.

Анализ сообщений украинских социальных сетей периода Евромайдана позволил разработать их типологизацию на основе критериев акторов (о ком

сообщается) и содержания сообщений (конвенциональные и радикальные). Автоматическая классификация всего массива сообщений показала, что на разных этапах протеста доминировали сообщения разного типа. Так, на первой стадии, 18–30 ноября 2014 г., в украинских социальных сетях лидировали сообщения конвенционального характера — сообщения, содержащие пассивную критику сложившего в Украине социального порядка, предопределяющего несправедливость, коррупционность действующей власти. В них отсутствовали активные призывы к вооруженному протесту. После применения властью того периода силового воздействия на протестующих людей репрезентация конвенциональных и неконвенциональных сообщений существенно изменилась [1]. Резко возросла интенсивность радикальных установок пользователей, ориентированных на призывы отстоять интересы народа с оружием в руках [2].

Исследование содержания сообщений молдавских сетей 2015 г. показало слабую дифференциацию сообщений протестного характера по степени конвенциональности демонстрируемых установок. Пользователи молдавского сегмента социальных сетей выражали практически единодушную позицию, связанную с необходимостью конструктивного диалога с властью без использования лексики радикализма. Исходя из данной особенности протестного дискурса молдавских социальных медиа затруднительным представилось сравнение удельного веса активно- и пассивно-нигилистических сообщений в молдавских и украинских социальных сетях.

Типологизация сообщений протестного характера в молдавских новых медиа была осуществлена по иным основаниям с использованием техники дискурсивного анализа. С ее помощью исследовано 600 наиболее часто циркулирующих в молдавских социальных медиа протестных сообщений. Логика выделения их типов была основана не на степени конвенциональности политических требований, а на содержательной специфике отраженных в релевантных сообщениях ответов на вопросы «Кто мы?», «С кем мы?», «Куда мы идем?». В таблице 1 представлены маркеры различных протестных сообщений в молдавских социальных медиа.

Дискурсивный анализ выгрузки позволил выделить три типа сообщений, в которых определенным образом дается ответ на указанные вопросы. Первый тип представляет молдаван как самостийный и самобытный народ, главная ценность которого собственный историко-культурный пласт, а главный ориентир — свобода и независимость. Наиболее показательным индикатором данной позиции авторов сообщений является упоминание баллады о Миорице. Это народная легенда, в которой, по мнению молдаван, заключен код народа Молдовы. В данном произведении речь идет об отношении молдавского молодого человека к предательству своих друзей, представителей других наций — врачеанина и венгра. Общий смысл баллады отчасти состоит в том, что молдаване безропотно и жертвенно принимают предательство соседних народов. Во многом этим объясняется довольно частое упоминание негативных оценок других наций. Чаще всего объектом такого неприятия становится Румыния, которая воспринимается авторами рассматриваемых сообщений как страна, ориентированная на паразитизм в отношении соседних государств. В этих сообщениях используются словосочетания «Дьявольская Румыния»,

«Румыны — не нация» и др. Весьма часто отрицательный контекст сообщений касается европейцев и американцев в целом. Свидетельством тому служат словоупотребления наподобие «европрофессионалы», «заокеанские гастролеры», «колония», отражающие понимание молдавскими пользователями корыстных целей воздействия Европы и США на ситуацию в Молдове. Логичным следствием негативного отношения к внешнему влиянию молдавских пользователей социальных сетей является ориентация на народную самобытность и самостийность. Маркерами данной установки служат словосочетания «историческое возрождение», «историческая миссия» и др.

Таблица 1. Маркеры протестных установок в молдавских сетях

Параметры	**Типы смысловой направленности сообщений**		
	«За независимую Молдову»	**«За евроинтеграцию и проамериканская позиция»**	**«За интеграцию с Россией»**
общий смысл ответа на вопросы: «Кто мы?», «С кем мы?» и «Куда нам идти?»	Молдаване — самостийный и самобытный народ, главная ценность — собственный историко-культурный пласт, главный ориентир — свобода и независимость	Молдаване — часть европейской нации или часть румынского народа, включающего в себя венгров, молдаван и др. нации. Главная ценность — единство с европейским (или румынским) народом, что делает молдаван частью великого народа. Главный ориентир — отказ от собственной идентичности и интеграция с другими народами.	Молдаване — часть славянской и русской истории и культуры. Главная ценность — единство всех российских (советских) народов. Главный ориентир — противостоять Западу в попытке организации переворота по сценарию Евромайдана.
маркеры	Миорица; легенда, баллада о Миорице; дьявольская Румыния; румыны — не нация; мамалыга не взрывается; заокеанские гастролеры; колония; европрофессионалы; историческое возрождение; историческая миссия	России хунта; агрессия России; платформа ДА; война с Украиной; российская оккупация	киевская хунта; Польша — Украина Европы; хохлы; игилизация; киевская комарилья; Украина — черная дыра

Второй тип сообщений ассоциирует молдаван с частью европейской нации или с частью румынского народа, включающего в себя венгров, молдаван и др. нации. Главной ценностью видится единство с европейским (или, в частности,

румынским) народом. Это обеспечивает, по мнению пользователей, принадлежащих к данному кластеру, величие молдавского народа в составе большой нации. Главной идеей сообщений данных пользователей является отказ от собственной идентичности и интеграция с другими народами. Эта установка довольно редка для представителей любых наций и предполагает изначальную ориентацию на ассимиляцию с другим народом. Фокусирование на интеграцию с европейской нацией данной части молдавских пользователей имеет сходный генезис с процессом формирования подобных установок в украинских социальных сетях. Основным механизмом, сопровождающим их возникновение и развитие на соединение с европейской нацией в молдавских и украинских социальных сетях, является механизм противопоставления Европы и России. Евроинтеграционные идеи подчеркиваются с помощью упоминания негативного образа российского государства: «России хунта», «агрессия России», «война (России) с Украиной», «российская оккупация» и т.д.

Третий тип сообщений ассоциирует молдаван с частью славянской и русской истории и культуры. Главной их ценностью служит единство всех российских (советских) народов, а главным ориентиром — противостоять Западу в попытке организации переворота в Молдове по сценарию Евромайдана. В сообщениях данного типа единение славянского народа предстает средством противостояния политики подчинения молдавской экономики интересам Евросоюза. Они нередко содержат осуждение представителей украинской власти, по мнению их авторов, предавших интересы своего народа. Индикаторами выражения этой позиции служат словосочетания: «киевская хунта», «Польша — Украина Европы», «хохлы», «игилизация», «киевская комарилья», «Украина — черная дыра» и др. Нередко в сообщениях данного типа встречается обращение к украинцам — участникам Евромайдана. Суть обращения состоит в просьбе «опомниться, вспомнить, что украинцы — славяне наряду с русским народом». Сообщения, в которых репрезентирован образ России как дружественного государства, характеризуются наличием критических интенций в отношении Европы и США. Таким образом, дискурс-анализ релевантных предмету исследования сообщений позволяет заключить, что пользователи молдавских социальных сетей склонны к антиподному восприятию внешних сил: принятие России означает критику и осуждение политики Европы и США, в свою очередь присоединение к позиции Европы и США детерминирует неприятие России.

Важной перспективой исследования является выявление долевой представленности данных сообщений в молдавских сетях различных этапов (волн) протеста на основе разработанного в соответствии с указанными критериями словарей маркеров данных типов сообщений (таблица 1). Анализ удельного веса сообщений разного типа в периоды, хронологически близкие к демонстрации офлайновой протестной активности, позволит завершить разработку схемы прогнозирования протестного поведения по цифровым следам.

Не менее значимой перспективой анализа формирования протестных установок в новых медиа служит использование теории графов, которая позволяет определять пользовательские хабы, т.е. пользователей-лидеров, обладающих наибольшим объемом активных связей, и играющих роль

мобилизаторов протестной активности в онлайн- и офлайн-пространствах. Предполагается, что эти акторы, воздействующие на общественное мнение, формируют содержание и начинают трансляцию протестных сообщений, постов и мемов. Резкое повышение активности пользовательских хабов по распространению протестных сообщений также следует воспринимать как маркер для прогнозирования протестного поведения на определенном территориальном образовании.

Поддержка: работа осуществлена в рамках выполнения государственного задания на тему «Выявление закономерностей взаимосвязи формирования политических систем и интернет-коммуникации» Министерства образования и науки РФ, код задания 2816 на 2014–2016 гг. и поддержана грантом РФФИ № 14-07-00694 «Методология интеллектуального поиска маркеров в интернет-контенте».

Литература

[1] Абрамов М.В., Бродовская Е.В., Дмитриева О.В., Домбровская А.Ю. Стратегии формирования установок протестного поведения в сети Интернет: опыт применения киберметрического анализа (на примере Евромайдана, ноябрь 2013 г.). Часть II // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2014. № 3. С. 56–74.

[2] Азаров А.А., Бродовская Е.В., Дмитриева О.В., Домбровская А.Ю., Фильченков А.А. Стратегии формирования установок протестного поведения в сети Интернет: опыт применения киберметрического анализа (на примере Евромайдана, ноябрь 2013 г.). Часть I // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2014. № 2. С. 63–78.

[3] Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция / пер. с англ. А. Гарькавого. М.: ГРАНД: Фаир пресс, 2006.

[4] Cairncross F. The Death of Distance: How the Communications Revolution Will Change Our Lives. Boston: MA: Harvard Business School Press, 1997. 452 p.

[5] Castells M. Communication power. Oxford: Oxford univ. press, 2009. 433 p.

[6] Castells M. The Rise of the network society. 2-nd. ed. with a new preface ed. Wiley-Blackwell, 2009. (Information Age; vol. 1).

[7] Clark S.J. A populist critique of direct democracy. Harvard Law Review. 1998, Vol. 112(2). P. 434–482.

[8] Coleman S. New mediation and direct representation: reconceptualizing representation in the digital age. New Media Society. 2005, Vol. 7(2). P. 21–40.

[9] Comparing policy networks / ed. by D. Marsh. Buckinham: Open University Press, 1998. 192 p.

[10] Culture of the Internet / ed. by S. Kiesler. Mahwah, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, 1997, 480 p.

[11] Danet B., Herring S.C. The multilingual Internet: Language, culture, and communication online. N.Y.: Oxford University Press, 2009. 464 p.

[12] Eco U. A theory of semiotics. Bloomington: Indiana University Press, 1978. 354 p.

[13] Etzioni A. The Spirit of Community: rights, responsibilities and the communitarian agenda. New York: Crown Publishers, 1993. 388 p.

[14] Freeman R. Democracy in the Digital Age. London, 1997. 322 p.

[15] Godoy S.E. Who owns the world's media? Oxford, 2016. P. 641–674.

[16] Green S. Twitter and Russian protest: memes, networks and mobilization. URL: http://www.newmediacenter.ru/ru/2012/05/22/твиттер-и-российский-протест-мемы-сет (accessed 02.02.2016).

[17] Gurak L.J. Cyberliteracy: Navigating the Internet with awareness. New Haven: Yale University Press, 2001. 208 p.

[18] Haythornthwaite C., Nielsen A.L. Revisiting computer-mediated communication for work, community and learning. Psychology and the Internet: Intrapersonal, interpersonal and transpersonal implications. San Diego, CA: Academic Press, 2006, pp. 167–186.

[19] Kadushin Ch. Understanding social networks: Theories, concepts and findings. N.Y.: Oxford University Press, 2011. 264 p.

[20] Kling R., Rosenbaum H. and Sawyer S. Understanding and communicating social informatics: A framework for studying and teaching the human contexts of information and communication technologies. Medford (New Jersey): Information Today, Inc., 2005. 216 p.

[21] Norris P. Digital Divide. Civic Engagement, Information Poverty, and the Internet Worldwide. Cambridge: University Press, 2001. 476 p.

[22] Poster M. Cyberdemocracy: Internet and the Public Sphere — Internet Culture. New York: Routledge, 1997. 426 p.

[23] Sproull L., Kiesler S. Connections: new ways of working in the networked organization. 7-th print. MIT Press. 2001.

Representation of the protest attitudes in social media: the comparative cases EuroMaidan-2013–2014 and Moldova-2015

E. Brodovskya, A. Dombrovskaya, D. Karzubov
Moscow State University of Education

Abstract. The results of comparative analysis of two protest cases are presented in the article (EuroMaidan-2013–2014 and Moldova-2015). The digital representation of the protest attitudes of Ukrainian and Moldavian users of social media is studied. The authors created and applied the empirical model including event analysis, cybermetrics and discourse-analysis of the social media messages.

The key results of the study are the differences between the components of the protests in Ukraine and Moldova: drivers, actors, elite communication process, methods of the protest attitudes forming, points of protest transformation, and the results of the protest.

Moldova protest case differs from EuroMaidan with the following characteristics: greater length of the protest wave and longer stages, large reactivity elites, conventional orientation of the majority leaders of the protest,

the rejection of identity as one of the basic ideas, interactive nature of communication with the elites; the absence of the incident (the massacre), intensive use of Russia in Moldavian networks as a factor of social union, positive discourse of Russia and its role in solving the problems of international relations.

Keywords: social computing; digital protest markers; event-analysis; cybermetrics; discourse-analysis; comparative study.